

М. Э. Куусинен

К ВОПРОСУ ОБ АКТИВНЫХ ПРИЧАСТИЯХ НЕЗАКОНЧЕННОГО ДЕЙСТВИЯ В ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая работа посвящена теме о действительных причастиях незаконченного действия, составляющих часть одного из важнейших разделов финской грамматики. Так как нам неизвестны специальные исследования о причастиях в финском языке, то при работе были использованы лишь отдельные статьи из лингвистических журналов и исследования по финскому и другим прибалтийско-финским языкам, особенно работы известного советского ученого-финноугроведа Д. В. Бубриха. Кроме того, весьма ценные устные указания и сведения по ливскому, эстонскому и другим языкам были получены от профессора П. Аристэ.

I

По определению акад. В. В. Виноградова, причастие представляет собой „категорию гибридных глагольно-прилагательных форм, в которых глагольность выражается как окачествленное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного“.¹ В причастии, таким образом, сочетаются основные семантические признаки глагольности с признаками имени прилагательного. Различия между отдельными группами причастий обусловлены особенностями в их морфологическом строении и различием в их значении.

В современном финском литературном языке различают следующие группы причастий:

1) причастия на *-va*, *-vā* (активные причастия незаконченного действия): *lukeva* „читающий“, *antava* „дающий“;

2) причастия на *-nut*, *-nyt* (активные причастия законченного действия): *lukenut* „прочитавший“, *antanut* „дававший“, *mennyt* „ушедший“;

3) причастия на *-tava*, *-tävä*, *-ttava*, *-ttävä* (пассивные причастия незаконченного действия): *luettava* „долженствующий быть прочитанным“, *annettava* „долженствующий быть отданным“, *syötävä* „долженствующий быть съеденным“;

¹ В. В. Виноградов. Русский язык. (Грамматическое учение о слове.) М.-Л., 1947, стр. 272.

4) причастия на *-tu, -ty, -ttu, -tty* (пассивные причастия законченного действия): *luettu* „прочитанный“, *annettu* „отданный“, *syöty* „съеденный“;

5) причастия на *-ma, -mä* (пассивные причастия законченного действия с указанием действующего лица): *rojan lukema kirja* „прочитанная мальчиком книга“.

Особо стоят образования на *-maton, -mätön* (отрицательные причастия, отнесение которых к причастиям во многом спорно): *lukematon* „непрочитанный“, *antamaton* „неотданный“.

Целью настоящей работы является анализ первой из указанных групп — активных причастий незаконченного действия, их происхождения и развития.

Отличительным формантом причастий незаконченного действия является суффикс *-va, -vä* со своим редко встречающимся в современном финском литературном языке сильноступенным соответствием *-ra, -rä*. Значение этого суффикса — „обладающий таким-то действием, совершающий такое-то действие, находящийся в таком-то состоянии“. Употребление сильной или слабой ступени определялось тем, в каком положении оказывался согласный *p*: в положении после гласного ударного, т. е. нечетного, слога сохранялась сильная ступень (*saara* „получающий“ при *sa-* „получать“, у М. Агрикола *ymmertepä* „понимающий“ при *ymmärtä-* „понимать“), в положении после гласного безударного, т. е. четного, открытого слога появлялась слабая ступень (*laulava* „поющий“ при *laula-* „петь“, *rakastettava* „любимый“ при *rakasta-* „любить“). Слабая ступень возникала также перед гласным четного закрытого слога, например, *saavan* „получающий“ из *saavaan* при *saara*, а позже вообще в закрытом слоге.¹

В современном финском языке и его диалектах произошло в большинстве случаев обобщение слабой ступени. Исключение составляют лишь отдельные двусложные причастия вроде *saara* и некоторые слова, являющиеся по происхождению причастиями, перешедшими в разряд имен существительных или прилагательных. К таким относятся, например: *käyrä* в словосочетании *käyrä raha* „ходячая монета“ при *käy-* „ходить“, *lүörä* „бьющий“ в словосочетании *lүörä kello* „часы с боем“ при *lүö-* „бить“, диал. *voira* „зажиточный“ при *voi-* „мочь, быть в состоянии“, сложные прилагательные на *-voira* вроде *keltaisenvoira* „желтоватый“, *valkoisenvoira* „беловатый“, *hyvinvoira* „здоровый“, *rahoinvoiceira* „больной, немощный“, *kaikkivoira*

¹ При передаче примеров из финского и других финно-угорских языков мы пользовались теми обозначениями, которые приняты в соответствующих литературных языках. Исключением являются обозначения долгих гласных венгерского литературного языка, которые мы обозначаем удвоением соответствующих букв (например, *vaagoo* „ожидающий“). Так как по техническим причинам мы не смогли воспользоваться общепринятой фонетической транскрипцией, то при написании примеров из языков, не имеющих своей письменности, а также при передаче реконструируемых форм, в настоящей статье приняты следующие условные обозначения:

Долгий гласный или согласный звук обозначается удвоением соответствующей буквы (например, *водск. saava* „получающий“, ливск. *lupitāb* „узнаваемый“).

Редуцированный звук *e* ливского языка обозначается знаком *э* (перевернутое *e*, например, *lүbэ* „приходящий“).

В реконструированных формах спирант, являвшийся слабоступенным соответствием смычного *p*, обозначается прописной буквой *B* (например, *saova* из *saopa*).

Мягкость согласного звука обозначается знаком *˘*. Остальные обозначения не требуют особых пояснений.

„всемогущий“, диал. *astuttapa* „ступенька“ (букв. „то, на что ступают“), *juora* „пропасть“ или диал. „водосточная канава“ (первоначально, „то, что пьет, пьющий“) при *juo-* „пить“, диал. *jäärä* „остающийся, остаток“ при *jää* „оставаться“ и *syöä* „едящий, едок“ при *syö-* „есть“, диал. *saara* в значении „получающий пособие, пенсioneer“, *syöä* „рак, язва“ (болезнь), диал. *vierä* „склон, спуск, наклонный“ (первоначально „несущий, спускающий“) при *vie-* „нести, унести“.

Отделение форм на *-ra* от системы причастий — сравнительно старое явление в языке. Оно связано с особенностями так называемого суффиксального чередования, которое довольно рано было подвержено разным отклонениям и влияниям аналогии и с течением времени утратило характер закономерности. Различное употребление одних и тех же причастий обусловило закрепление за ними различных значений и различных вариантов одного и того же суффикса: наряду с *juora* „пропасть“ стало возможным *juova* „край, кайма“ и *juova* „пьющий“, как причастие от глагола *juoda* „пить“.

Если в современном финском языке формы на *-ra* утратили значение причастий, то в языке старой финской литературы они еще бывали как причастия. Наряду с *juora* „пьющий“, *saara* „получающий“, *voira* „могущий“ в языке старой литературы примерно до конца XVII века были довольно обычны сильноступенные формы: *sumartapa* „кланяющийся“, *ymmertepä* (*ymmärtäpä*) „понимающий“, *culuttapa* „изнашивающий“, *taruitzepa* „нуждающийся“, *wirghottapa* „освежающий“, *waeldapa* „странствующий“, *kilisepä*, *helisepä* „звнящий“, *winisepä* „скрипящий“ (у М. Агрикола); *valaesepa* „освещающий“, *duomidzep* „осуждающий“ (у М. Хемминки), *tapahtupa* „происходящий“ (у А. Колланиуса). После четного слога выступает, как правило, слабая ступень: *tuleva* „приходящий“, *tekevä* „делающий“, *laskeva* „считающий“ (у М. Агрикола); *andava* „дающий“, *uscova* „верящий“ (у М. Хемминки). Однако уже в первых памятниках финской литературы часты случаи употребления слабой ступени в причастиях там, где ожидалась бы сильная ступень: *valaiseva* наряду с *valaisepa*, *vallidzepa* наряду с *vallidzepa*, *aavistava* „догадывающийся“, *rahan suova* наряду с *rahan suora* „желающий зла, злонамеренный“ и т. д.

В диалектах финского языка наблюдается та же картина, что и в литературном языке: в причастиях незаконченного действия повсеместно обобщена слабая ступень, а сильная ступень сохранилась лишь в немногих причастных по происхождению формах.

Немногочисленные сильноступенные формы восходящих к причастиям имен существительных (прилагательных) отмечены в диалектах юго-западной Финляндии, где они были довольно часты еще в XVII—XVIII веках, как на это указывает язык старой финской литературы, а также в диалектах южной Эстерботнии. Примеры: *käurä*, *käuräläinen* „ходкий, нищий“, *syöä*, *syöäläinen* „паразит“ (в ингерманландских говорах *käuräläine*, *syöäläine*), *hyvinvoira*, *voira* „здоровый, хорошо себя чувствующий“, *kasuara*, *kasuara*, *kasuara* „наро́ст“ из *kasvarainen*, где сильная ступень появилась в результате того, что *v* в начале второго слога после *s* перешло в слоговое *u* и образовало отдельный слог (явление довольно частое в западно-финских диалектах, ср. *gasua*, *gasuva* < *gasva* „жир“). Замечено, что сильная ступень в причастиях незаконченного действия наиболее долго сохраняется в пассивных формах: *käskettäpä* „подчиненный,

тот, кем повелевают“, tukkittava „затыкаемый, долженствующий быть заткнутым“ и др.¹ В большинстве же случаев обобщена слабая ступень: *eppustava* „предвещающий“, *sisältävä* „содержащий“, *katseltava* „рассматриваемый“, *lukittava* „закрываемый, долженствующий быть замкнутым“.

Рассмотрим, как обстоит дело в других прибалтийско-финских языках.

Начнем с ливского.

Суффикс активных причастий незаконченного действия представлен в ливском языке как нечередующееся *bə* или *b*. Примеры: *kieb*, *kiebə*, в номин. мн. числа *kiebəd*, „горячий, кипящий“ (ср. эст. *keev*); *anntəb* в транслат. ед. числа *anntəbəks* „даваемый“ (ср. финск. *annettava*); *tunntəb*, в номин. множ. числа *tunntəbəd* „узнаваемый“ (ср. финск. *tunnettava*); *jelab*, в номинат. множ. числа *jelabəd* „живые, живущие“ (ср. финск. *elävät*); *palab* „горячий, горящий“ (ср. финск. *palava*); *imbə* „сосущий“, *imbə lārš* „грудной ребенок“ (ср. финск. *imevä*, *imeväinen*); *lipsab* „доющий“, *niem um lipsab* „корова (есть) дойная“ (ср. финск. *lypsävä*); *ajabəz*, в номин. множ. числа *ajabəd* „нарыв“ (ср. финск. *ajava*); *miidəb*, в транслат. ед. числа *miidəbəks* „продающийся“ (ср. финск. *myytävä*); *siedəb* „съедобный“ (ср. финск. *syötävä*); *tulbə* „приходящий“ и *tulbi*, *tulbə aigast* „в будущем году“. Помимо приведенных форм с сильной ступенью чередования, в ливском диалекте Салатси отмечены и слабоступенные формы: *müüda* „продающийся, продаваемый“, ливск. *Дундаш müüdəb*, *miidəb* (финск. *myytävä*), *lūpstau* „доющий, доимый“ (финск. *lypsettävä*), *nuoldau* „лижущий“ (финск. *nuoltava*), *taptau* „убиваемый“ (финск. *tapettava*), где *-u* является продолжателем прежнего слабоступенного *B* — *lūpstau* < *lūpsettäBä*, *taptau* < *tapettaBa*. Наличие слабой ступени говорит, таким образом, о возможности суффиксального чередования в причастиях незаконченного действия в прошлом ливского языка.

В эстонском языке, так же как и в финском, в причастиях незаконченного действия обобщена слабая ступень. Суффиксом этих причастий является *-u*: *saav* „получающий“ (финск. *saara*, *saava*), *keev* „кипящий“, *keema* „кипеть“ (финск. *kiehuva*), *müüv* „продающий“ (финск. *myyvä*), *sooviv* „желающий“, *söödav* „съедобный“ (финск. *syötävä*), *panev* „полагающий“ (финск. *paneva*), *pägev* „видящий“ (финск. *päkevä*), *müüdav* „продающийся“ (финск. *myytävä*). Единственным случаем, где в причастии незаконченного действия сохранилась сильная ступень чередования *p:B*, является в эстонском языке слово *keev* „кипящий“ в сочетании *keeb vesi* „кипящая вода, кипяток“. Видеман² отмечает, что форма *keeb*, в генитиве *keeva*, бытует в диалектах средней Эстонии.

В водском языке причастие незаконченного действия представлено так же, как и в финском. Во всех без исключения случаях обобщена слабая ступень: *saava* „получающий“ (финск. *saava*), *tčihuva* „кипящий“ (финск. *kiehuva*), *joova* „пьющий“ (финск. *juopa*, *juova*), *lõdvä* „бьющий“ (финск. *lyövä*, *lyövä*), *veevä* „несущий“ (финск. *viävä*, *viävä*), *tēcēvā* „делающий“ (финск. *tekevä*), *kutsuttava* „призываемый“ (финск. *kutsuttava*) и т. д.

¹ Н. O j a n s u u. Suomen lounaismurteiden äännehistoria. Konsonantit. Helsinki, 1903, стр. 57.

² F. J. W i e d e m a n n. Grammatik der Ehstnischen Sprache. St.-Petersbourg, 1875, стр. 458.

Точно так же обстоит дело и в ижорском языке, где причастия незаконченного действия почти не отличаются от финских причастий: *kyntävä* „пашущий“, *laulava* „поющий“, *soittava* „играющий на музыкальном инструменте“, *kylvävä* „сеющий“, *nagrava* „смеющийся“ (финск. *naurava*), *pyytävä* „просящий“, *kirjuttava* „пишущий“ (финск. *kirjoittava*), *lentävä* „летающий“, *istuva* „сидящий“ и т. д.

В вепсском языке суффикс причастий незаконченного действия представлен как *-b* или, в сочетании с глухим согласным, как *-p*. Примеры: *el'ab* „живущий, живой“, *el'abil' silmil'* букв. „живыми глазами“, *el'ar kala*, *el'abain'e kalaip'e* „живая рыба, живая рыбка“ (финск. *elävä*); *palab* „горящий, горячий“, *palabat čajud* „горячего чая“ (финск. *palava*); *kehь* (< *keehupa*) „кипящий“, *kehь vezi* „кипящая вода, кипяток“, паритив ед. числа *kehpad v'et* (финск. *kiehuva*); *tutab* „знакомый“, генитив ед. числа *tutpan*, *tutap taho* „знакомое место“ (финск. *tuttava*).

В карельском языке в причастиях незаконченного действия обобщены повсеместно слабоступенные формы. Приведем несколько примеров из ливвиковского и людиковского диалектов карельского языка. По значению уже утеряли свою причастность такие слова, как *palava* „горячий“, *välttävä* „годный, подходящий“, *joudava* „негодный, плохой“, *vierövä* „пологий, с уклоном“, *elävä* „живой“, *vähävoivan'e* „слабый, немощный“, *voivas* „здоровый“ и др. В ливвиковском диалекте возможны, однако, и сильноступенные формы вроде *voipan'i* „сильный, зажиточный“. Но, как правило, в карельском языке в причастиях незаконченного действия выступает *-v*: *ostettav lehm* „покупаемая корова“, *syötettäv lapsi* „кормимый ребенок“.

Таким образом, в современном финском языке, как и в большинстве других прибалтийско-финских языков (эстонский, водский, ижорский, карельский), слабая ступень в суффиксах причастий незаконченного действия распространилась на все случаи. Суффиксом этих причастий стал в финском, ижорском и водском языках *-va*, *-vä*, в эстонском и карельском языках, с отпаданием конечного гласного, *-v*. Сильная ступень этого суффиксального чередования сохранилась лишь в немногочисленных застывших формах некоторых причастий: финск. *syövä*, *käyvä*, эст. *keeb vesi*, кар. *voipan'e* и др.

В ливском и вепсском языках развитие было иным: во всех причастиях незаконченного действия представлена сильная ступень чередования.

Причастиями по происхождению являются также финские так называемые модеративные прилагательные, обозначающие недостаточность, неполноту какого-либо признака. Большинство таких прилагательных обозначает различные оттенки цвета: *harmahtava* „сероватый“, *punertava* „красноватый“, *sinertävä* „синеватый, голубой“, *kellertävä* „желтоватый“, *vihertävä* „зеленоватый“. Образованы они от отыменных глаголов: *punertava* с первоначальным значением „делающий немного красным“, т. е. „красноватый“ от глагола *punerta-* „делать немного красным“ (с основой, образованной от прилагательного *puna* „красный“). Примеры из других родственных языков: вепсск. *ahthatab* „тесноватый“, *hahkatab* „сероватый“, *magedatab* „сладковатый“, *pitkatab* „длинноватый“, *torhetab* „сыроватый“; карельск. людиковск. *muigedattau* „кисловатый“, *madalattau* „низковатый“, *magedattau* „сладковатый“, *vahnattau* „староватый“; ижорск. *kuumahtava* „немного горячий“, *kylmästävä* „холодноватый“.

Интересен еще один случай образования причастия незаконченного действия в финском языке, имеющего соответствия и в других родственных языках. Это причастие *erä*, образовавшееся от отрицания, которое и в современном финском языке изменяется по лицам и числам: в ед. числе 1 л. *en*, 2 л. *et*, 3 л. *ei* из *epi* (ср. 1 л. *saan*, 2 л. *saat*, 3 л. *saa* из *saari* и более раннего *saara*); во множ. числе 1 л. *emme*, 2 л. *ette*, 3 л. *eivät* по аналогии с 3 лицом ед. числа; первоначально, очевидно, *evät* из *eBät* (ср. 1 л. *saamme*, 2 л. *saatte*, 3 л. *saavat* из *saaBät*). В современном языке *erä* играет роль отрицательной частицы, при помощи которой образуются слова со значением отрицания, неправильности, недостаточности, например, *eräedullinen* „невыгодный“, *eräjumala* „языческий бог, идол“, *eräjärjestys* „беспорядок“, *eräluulo* „подозрение“, *erämukava* „неудобный“, *eräselvä* „неясный“, *eräterveellinen* „вредный для здоровья, нездоровый“, *erätäydellinen* „несовершенный, неполный“, *eräusko* „неверие“, *erävarina* „неуверенный“ и т. д. Ср. эст. *ebajumal* „идол“, *ebakultuurne* „некультурный“, *ebamoraalne* „аморальный“, *ebamugav* „неудобный“, *ebaselge* „неясный“, *ebatavaline* „необычный“, *ebaterve* „нездоровый“, *ebausk* „суеверие“.

Того же происхождения *eräillä* „сомневаться“ (откуда производное *eräily(s)* „сомнение“; ср. эст. *ebalema*, *ebalus* в том же значении) и *eräroidä* „колебаться, быть в нерешительности“. С *erä* же связан глагол *evätä* „отвергать, отказывать“ с основой *erä-*, образованный по типу *lupa* „разрешение“ — *luvata* „обещать, позволять“. На более широкое распространение *erä* в прошлом в диалектах по сравнению с современным финским языком указывает словарь Э. Лённрота: *epi* „неприятный, противный“, *olla epi asiasta* „быть против чего-нибудь“, *epi eheästänsä rupesi torumaan* „стал ругать без всякой причины“, *erää, evin* „сомневаться, сопротивляться, отказываться“.

Соответствия финскому *erä* имеются и в саамском (лопарском) языке. Несомненно, что *erä* уже давно перестало быть причастием.

Относительно конечного гласного в рассматриваемых причастиях следует указать, что „активные причастия незаконченного действия в древности имели звучание вроде *saari* с основой *saara-* в чередовании с *saaBa-* „получающий“, *antaBi* с основой *antaBa-* „дающий“. Это не первоначальное звучание: перед нами обобщение конечного *i*. В указанном виде эти причастия отражаются в тех глагольных формах, которые из них произошли, — в глагольных формах вроде *saari* „получает“ при *saavat* „получают“, *antavi* (поэт.) „дает“, при *antavat* „дают“.¹ В современных же финских причастиях обобщилось, с одной стороны, *a* (*ä*), а с другой стороны, *v* из *B*.

II

Причастия незаконченного действия в финском языке связаны по своему происхождению с весьма широко распространенными в финно-угорских языках именами действия. Вопрос о развитии имен действия получил верное освещение в работах покойного проф. Д. В. Бубриха.²

¹ Д. В. Бубрих. Историческая фонетика финского-суоми языка. Госиздат КФССР, Петрозаводск, 1948, стр. 47.

² Там же, стр. 48—49.

По мнению Д. В. Бубриха, развивающего мысль И. Буденца о первоначальной широте распространения имен действия на финно-угорской почве, имена действия, кроме своего основного значения, могли обозначать действующателя, орудие или средство действия, объект действия, результат или эффект действия и т. п., в зависимости от своей позиции в построении, в которое они входили. Так, имя действия со значением „лов“ могло обозначать действующателя („ловец“, „ловящий“), если оно оказывалось в позиции определения по отношению к названию человека, являющегося активным действующателем. В таком случае развитие шло по линии — „лово-человек“ — „ловец-человек“ и „ловящий человек“. То же имя, оказываясь в позиции определения по отношению к названию животного или неживого предмета, являющегося объектом действия, стало обозначать объект действия: „лово-заяц“ — „улов-заяц“ и „пойманный заяц“. В дальнейшем это значение, получаемое именем действия в позиции определения, могло закрепляться за именем действия, оформленным так или иначе морфологически. Полученное таким образом новое значение сохранялось за именем и в том случае, если оно выходило из позиции определения. Так, на основе случаев вроде „ловец-человек“, „ловящий человек“ у имени действия закреплялось значение „ловец“, „ловящий“. Об этом говорят примеры из мордовского и некоторых других языков.

В мордовском языке имеются глагольные существительные на *-ы (-и)* или *-ыця (-иця)* — этимологически те же, что прибалтийско-финские имена на *-ja*. Взятые отдельно, они являются существительными — названиями действующателя (попел agentis): *кундыця* „ловец“, *калонь кундыця* „рыбы ловец, рыболов, рыбак“. Они могут получать при себе точно такие же косвенные дополнения и обстоятельства, что и глаголы. Но, кроме этого, могут выступать также в позиции определения перед другим существительным, например, *калонь кунды ломань* „рыбу ловящий человек“, *палы тол палы* „горящий огонь горит“, *чуди ведь чуди* „текущая (текучая) вода течет“. По свидетельству Д. В. Бубриха, „есть движение в направлении превращения этих глагольных существительных в глагольные прилагательные — активные причастия незаконченного действия, т. е., например, в направлении *сокиця тейтерь* — пашущая девушка“.¹

Точно так же, как в мордовском языке, в некоторых диалектах финского языка и в языке старой финской литературы, как и во многих прибалтийско-финских языках, в роли активных причастий незаконченного действия очень часто выступают имена на *-ja, (-jä)*, которые, взятые отдельно, являются существительными — названиями действующателя.

У М. Агрикола наряду с употреблением причастий на *-va, -vä* (или *-ra, -rā*) довольно часты случаи употребления в той же позиции имен на *-ja, -jä, (-ia, -iä)*. Примеры: *wirghottaia hengi* „ободряющий дух“, *raatelija hirmusus* „терзающее чудовище“, *ratelia (raatelija) ia kilijuaa Jalopeura* „терзающий и рычащий лев“, *laupiudhes caickijn sowittaia* „милость (твою) во всех вселяющий“, *ouenuartia pica* „дверь стерегущая прислуга“ (в совр. финск. языке субстантивизировалось в значении „привратник“), *rahoiin tekie ia murhamies* „злодей и убийца“, букв. „плохо делающий и убийца“. У Херра Мартти: *nijn pitä hänen*

¹ Д. В. Бубрих. Эрзя-мордовская грамматика-минимум. Саранск, 1947, стр. 40.

naittaille miehelle sanoma „так нужно ей женищему(ся) мужчине сказать“. (H. Ojansuu, Mikael Agricolan kielestä, 141.)

Во времена Агрикола и раньше построения такого же типа бытовали, очевидно, и в западнофинских диалектах, на которых в основном базировался финский литературный язык того времени.

Имена на *-ja*, *-jä*, не только как существительные — названия действователя, но, главным образом, как активные причастия незаконченного действия широко представлены в восточнофинских диалектах и в „Калевале“. Примеры: *hyvin tietäjä ukko* „хорошо знающий старик“, *kuudilla ajajaa reissuavaista varten* „для едущего на почтовых путешественника“ (S. Latvala, Lauseopillisia muistiinpanoja pohjois-Savon murteesta, 59); *pian kantaja lehmä* „вскоре телящаяся корова“, *lapiksi puhuja mies* „по-лопарски говорящий мужчина“ (K. Cannelin. Tutkimus Kemän kielimurteesta, 49); *miehen etsivän etehen anelijan askelille* „перед ищущим мужчиной, к ногам просящего“, *moni nyt minulla onpi virkkaja vihaisen äänen, äänen tuiman tuikuttaja* „многие скажут мне теперь сердитое слово, слово грозное вымолвят“, букв. „многие теперь у меня являются говорящие сердитое слово (голоса), слово грозное молвящие“, *liikkuja kala lihava* „двигающаяся рыба жирная“ („Калевала“). Добавим к этому еще одну поговорку, записанную в двух вариантах (в одном с именем действия на *-ja*, в другом — на *-va*): *on oksan ottajia, jos on kuusen kaatajia* „найдутся (есть) собиратели сучьев, если есть рубители ели“ — *kyllä on oksan ottavia, kun on tammen taittavia* „найдутся сучья собирающие, если есть дуб срубавшие“.

Имена на *-ja* в значении активных причастий незаконченного действия широко распространены также в ливском языке, где причастия на *-va* (ливск. *-b*, *-bä*) употребляются довольно редко. Примеры: *aaliji* „бегущий, бегун“, *oudiji kana* „пáрящая курица, наседка“ (ср. эст. *haudja kana*, финск. *hautova kana*), *loolaji lind* „поющая птица, певчая птица“ (ср. финск. *laulaja-poika* „хорошо поющий мальчик“), *juoji väiski* „хорошо пьющий теленок“, *leji looja* „хорошо идущий (ходкий) корабль“, *palaji tul'* „горящий огонь“, *juoksiji veiz* „текущая вода“ (L. Kettunen. Hauptzüge der livischen Laut- und Formengeschichte, 86). Ливские имена на *-ja*, употребляющиеся в роли активных причастий незаконченного действия, обозначают обычно устойчивый признак (*oudiji* — финск. *hautovainen*) и сближаются таким образом по значению с именами прилагательными.

В эстонском языке также нередки случаи употребления наряду с причастием на *-v* имен на *-ja* в той же позиции и с тем же значением. По свидетельству Видеманна, имена на *-ja* в значении активных причастий незаконченного действия употребляются чаще, чем имена на *-v*: *leikaja puga* „режущий, острый нож“, букв. „резатель нож“, *sisse-saatja koht* „вводящее, вводное место“, *vee pidaja tors* „воду держащая кадка“, *metsas käijä pois* „мальчик, который уже ходит в лес за дровами“, букв. „в лес ходок мальчик“ (F. Wiedemann, Grammatik der Ehstnischen Sprache, 459).

В вепсском языке более часты случаи употребления имен на *-ja* в позиции определения: *veren imii s'äs'k* „кровь сосуший комар“, *sarn soitjam paimn'em rouhe* „сказка об играющем пастухе“, *puskii härg* „бодущий бык“, *murhaajed lendlejad lendlobad kogol'* „муравьи летающие (букв. „летатели“) летают стаяй“, *lendl'i'i oraa* „летающая белка“, букв. „летатель белка“ (финск. *lento-orava* букв. „лёт-белка“) (L. Kettunen, Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus, 506).

Примеры из карельского языка: *viruja* рии „лежачее дерево“, *liikkuja* „подвижный, живой“, *pist'el'ia heinä* „колючая трава“, *kuunte-lija* „послушный“, *hyvin p'ägiä* „хорошо выдающий“, *kiehuja vezi* „кипящая вода“, ср. вепсск. *k'ehg'ad* (*kehjad*) *v'et* „кипящей воды“ (А. Genetz. *Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä*, 178).

Как в карельском, так и в вепсском языке имеются случаи употребления имен на *-ja* со значением законченности действия. Это карельск. *kuolia* и вепсск. *kolli* „умерший, мертвый“, вепсск. *roidjaa kezä* „прошлым летом“. В карельском языке, наконец, возможно употребление степеней сравнения в именах на *-ja*, например, в предложении *meän akat ollah soutajammat* „наши женщины более хорошие гребцы“, букв. „гребчее“. Это опять-таки указывает на все больший отход имен действия на *-ja* от системы глагола и на постепенное качественное изменение их.

Важно, наконец, указать употребление активных причастий в венгерском языке. Суффиксом этих причастий является *-oo*, *-öö*: а *vaagoo taniitvaanu* „ожидающий ученик“, а *futoo fiuu* „бегущий мальчик“. Особенность их состоит в том, что, кроме своего основного употребления в позиции определения перед существительным в значении активного причастия незаконченного действия, они могут употребляться самостоятельно, обозначая название действующателя, например, *olvasoo* „читатель“, *iroo* „писатель“, *költöö* „поэт“, *szerző* „автор“, *hallgato* „слушатель“. Но образуя с определяемым им именем существительным сложное слово, имена на *-oo*, *-öö* могут обозначать также название действия, например, *ivooviiz* „питьевая вода, вода для питья“, при *ivoo* „пьющий“, *olvasookönuv* „книга для чтения“ при *olvasoo* „читающий“, *irooaszta* „письменный стол“ при *iroo* „пишущий“, *pihenööpar* „день отдыха“ при *pihenöö* „отдыхающий“, *vaagooterem* „комната для ожидания“ при *vaagoo* „ожидающий“.

Таким образом, помен *agentis* в большинстве прибалтийско-финских языков выполняет те же функции, что и активное причастие незаконченного действия на *-va*, *-vā* (или *-pa*, *-pā*) в финском языке. Наряду с этим он может выступать и как активное действующее лицо в зависимости от положения в предложении, т. е. выступать как имя существительное. Лишь в этой последней функции он известен современному финскому языку.

В языках, где наряду с именами на *-ja* в качестве причастий незаконченного действия выступают имена на *-va*, *vā*, определилось между ними некоторое различие в значении. Заключается оно в том, что имена на *-ja*, выступая в позиции определения, обозначают более устойчивый признак или постоянное свойство какого-либо явления и сближаются по своему значению с прилагательными: эст. *leikaja nuga* „острый нож“, ливск. *oudiji kana* (финск. „*hautovainen kana*“) „наседка“. С системой глагола эти имена сближает заложенное в них значение действия. Как и причастия на *-va*, помен *agentis* в роли причастия может иметь при себе прямое дополнение или обстоятельство: вепсск. *veren imii s'äs'k* „кровь сосущий комар“ (ср. финск. *verta imevä sääski*), кар. *hyvin tietäjä ukko* „хорошо знающий старик“ (ср. финск. *paljon tietävä ukko*).

Все эти примеры говорят о большой семантической близости имен на *-ja* с активными причастиями незаконченного действия. Это, однако, не говорит о том, что они имеют по происхождению один и тот же

суффикс, что в частности предполагал А. Алквист.¹ Как те, так и другие могли употребляться, очевидно, уже в финно-угорском языке-основе в различных позициях, и лишь после разделения языка-основы на отдельные языки произошло разделение их функций, по-разному в разных языках.

III

Подобно имени прилагательному причастие служит в предложении определением. Но, в отличие от прилагательного, причастие обозначает „действие, приписываемое лицу или предмету как их признак, как их свойство, проявляющееся во времени. Причастие совмещает в себе, таким образом, признаки глагола и признаки имени прилагательного“.²

В современном финском языке причастие, подобно имени прилагательному, согласуется с определяемым им именем существительным в числе и падеже. Например, *laulava poika* „поющий мальчик“, генит. ед. ч. *laulavan pojan*, адесс. ед. ч. *laulavalla pojalla*, номинат. мн. ч. *laulavat pojat*; или *laulanut poika* „певший мальчик“, генит. ед. ч. *laulaneen pojan* и т. д. Но, будучи, с другой стороны, генетически ближе связано с системой глагола, причастие сохраняет некоторые специфические признаки глагола: активный и пассивный характер действия, законченность и незаконченность действия. В отличие от имени прилагательного причастие, если оно не перешло в прилагательное, не имеет степеней сравнения и не может иметь при себе свойственных прилагательным наречных форм (например *kauhean, tavattoman suuri* „страшно, необычайно большой“). Но, как и глагол, причастие может управлять глагольными наречиями, а также именами, выступающими как обстоятельства или, при переходном значении причастия, как прямые дополнения. Примеры:

Kapea monelle taholle haarautuva tie kiemurtelee kahdenkymmenen neljän talon välissä... (V. Lacis. *Kalastajan poika*.) „Узкая, разветвляющаяся в разные стороны дорога извивается между двадцатью четырьмя домами“.

Samassa hän huomasi väkijoukon läpi työntyvän Oskarin. (V. Lacis. *Kalastajan poika*.) „В то же время он заметил сквозь толпу народа пробирающегося Оскара“.

Sisältä kantautui joltain virttä veisaavien äänten kuoro. (V. Lacis. *Kalastajan poika*.) „Изнутри доносился хор голосов, поющих какой-то псалом“.

Ei työtä tekevältä (ihmiseltä) työ puutu (sanantl.). „У работающего (букв. „работу делающего“) человека нет недостатка в работе“.

Как видно из двух последних примеров, прямое дополнение при причастии незаконченного действия обычно оформлено партитивом. Однако, наряду с более часто встречающимися случаями с партитивным прямым дополнением, при причастии незаконченного действия возможны построения с прямым дополнением в аккумулятиве, совпадающим с генитивом. Но если в первом случае выражается незаконченность действия в настоящем времени, то во втором, напротив, законченность его, но в будущем времени, например: *laulua*

¹ Aug. Ahlqvist. Suomen kielen Rakennus. Helsinki, 1877, стр. 7.

² Грамматика русского языка. Том I. Фонетика и морфология. АН СССР, 1953, М., стр. 506.

laulava poika „песню поющий мальчик“, *laulun laulava poika* „песню споющий мальчик“, т. е. „мальчик, который поет песню“.

Но партитивное прямое дополнение при причастии отнюдь нельзя считать первоначальным. Оно развилось сравнительно поздно параллельно генитивному определению при имени действия вместе с развитием этого имени действия в причастие. Следы былого употребления прямых дополнений в форме аккузатива при причастии сохранились как в языке старой финской литературы и фольклора, так и в современном финском литературном языке. Например:

Kauran syöriä heroa. („Kalevala“). „Лошадь, едящая овес“.

Wieranholhoian pitä matkan wældauaisen miehen, honetta suoman... (у Херра Мартти.) „Привратник должен предоставить комнату путешествующему (букв. „путь странствующему“) человеку“.

Ср. в современном финском языке окачествленные причастия *rahasuora ihminen* „злонамеренный человек“, *vedenpitävä* „непромокаемый“ (возможно и *vettäpitävä*).

Выше говорилось, что причастие как глагольно-прилагательная форма обозначает действие, приписываемое предмету или лицу как их признак или свойство, и подобно имени прилагательному служит в предложении определением. Особо следует выделить группу предикативных причастий, т. е. причастий, выступающих в системе составного сказуемого. Отличное от причастий-определений употребление их обусловило то обстоятельство, что, сохраняя подчас те же морфологические признаки, они, в сущности, порывают со своей причастностью: значение признака или свойства в них отсутствует. Приведем следующие три случая употребления предикативных причастий на *-va* (*-vää*):

1. Причастие на *-va* (*-vää*) вместе с глаголом-связкой *olla* образует составную форму, выражающую действие, которое должно произойти в будущем, если глагол *olla* стоит в презенсе, или действие, которое должно было произойти в прошлом, если глагол *olla* стоит в имперфекте (так называемые *liittopreesens*, *liittoimperfekt*). Например:

Hän suhtautuu asiaan vakavasti, ja kaikki on käyvä hyvin. (V. Lacin. Kalastajan poika.) „Он относится к делу серьезно, и все должно быть хорошо“.

Olin lukeva tämän kirjan. „Я должен был прочитать эту книгу“.

Но если причастие перешло в имя прилагательное, то оно не образует с глаголом *olla* подобной формы будущего времени со значением долженствования; например: *Jokaisen sanan lausuminen oli voimille käypää.* „Произношение каждого слова было не по силам“ (букв. „затрачивающим силы“).

Конструкции, подобные вышеприведенным, являются одним из способов выражения будущего времени в финском языке. Подобные же составные формы широко распространены в языке старой финской литературы и в языке „Калевалы“, но в другом значении. Например:

Hän on asuva Eänpäns tykössä (у Херра Мартти.) „Он живет (букв. „есть живущий“) у своей хозяйки“.

Ahti oli saarella asuva („Kalevala“.) „Ахти жил на острове“.

Mit' olet, otus, hakeva, istut alla ikkunani? („Kalevala“.) „Что ищешь, зверь, (что) сидишь под моим окном?“

2. Причастие на *-va*, *-vää* в форме эссива множеств. числа с притяжательным суффиксом образует с глаголом-связкой *olla* составную

форму, выражающую воображаемое, нереальное действие (состояние) или действие (состояние) со значением „делающий вид, что занимается чем-нибудь“, является чем-нибудь“. Например:

Hän oli koko ajan *näkevinään* Robertin ja Zentan syleilevän toisiaan. (V. Lacis. Kalastajan poika.) „Ему казалось все время, что он видит, как Роберт и Зента обнимают друг друга“.

— Kyllä se oli, totta puhuen, siitä pitäen, kun Liisa mielistyi minuun, vaikka ei se sitä ole *kuulevinaanakaan*, kun sille sitä sanoo (J. Aho. Rautatie.) „Это было, по правде говоря, в то время, когда Лиза влюбилась в меня, хотя она и делает вид, что не слышит, когда ей это говорят“.

3. Причастие на *-va*, *-vää* в форме генитива, образует с глаголами, обозначающими предположение, замечание, сообщение или слышание, видение, чувствование и т. п., составную форму, заменяющую собой придаточное предложение (так называемое *partisippiirakenne*). Например:

Aniharva yritti riistäytyä tämän rajan ulkopuolelle ja silloinkin varoen, *peläten joutuvansa* naurunalaiseksi. (V. Lacis. Kalastajan poika.) „Редко кто пытался переступить эту границу, и то опасаясь, боясь, что станет посмешищем“.

Luuli saavansa narratuksi. (J. Aho. Rautatie.) „Думал, что сможет обмануть“.

Lapinlahden kirkollahan sen (rautatien) kuuluu näkevän... ei *kuulu tarvitsevan* edemmä mennä. (J. Aho. Rautatie.) „Говорят, что у церкви Лапинлахти ее (железную дорогу) видно... дальше идти не нужно“.

Ср. аналогичные образования в эстонском языке:

Ta *arvas* hädäohu sedapuhku *möödas olevat*. (E. Vilde. Valik jutustusi.) „Он подумал, что опасность на этот раз миновала“.

Ma *tean* teda yhtlasel soldatisammul edasi ja tagasi *sammuvat*, ma *tajun* teda paremalt ja pahemalt poolt minu paberile *vahtivat*. (E. Vilde. Valik jutustusi.) „Я знаю, что он шагает равномерным солдатским шагом взад и вперед, я чувствую, что он с правого и левого боку заглядывает в мою бумагу“.

Примеры говорят о значительном отходе от общей системы причастий группы предикативных причастий. Нелишне остановиться несколько подробнее на двух последних случаях.

Во втором случае перед нами застывшая форма причастия: эссив множ. числа + притяжательный суффикс. Только в таком виде она и употребляется, не согласуясь в числе с глаголом-связкой. В зависимости от лица глагола-связки изменяется лишь притяжательный суффикс причастия.

Относительно третьего случая следует подчеркнуть следующее:

Эстонские конструкции на *-vat* (*tean teda sammuvat*) говорят о том, что в аналогичных финских конструкциях перед нами первоначальный аккузатив, совпавший в финском языке с генитивом. В диалектах, да и в современном литературном языке в подобных же конструкциях нередко встречается также транслативная форма. Например, *Märkähattu karjanraimen katselevi... tulevaksi* Lemminkaistä. („Kalevala“.) „Пастух, мокрая шапка, посматривает, идет ли Лемминкяйнен“ (собств. „посматривает идущим Лемминкяйнена“).

Ei Liisaa kuitenkaan *näkynyt* sinä päivänä *tulevaksi*... (J. Aho. Rautatie.) „Видно было, что Лиза не придет все-таки в этот день“ (собств. „не видно Лизы приходящей“).

Pieneen kaupunkiin on jo monta päivää *odotettu* laivoja *tuleviksi* (J. Aho. Kootut teokset, IV.) „В маленьком городе уже много дней ожидали прихода кораблей“ (собств. „ожидали кораблей приходящими“).

Odotettuaan turhaan vielä jotain tapahtuvaksi pojat lähtivät *pettyneinä* edelleen. (V. Lacin. Kalastajan roika.) „Прождав напрасно, что случится еще что-нибудь, разочарованные парни пошли дальше“ (собств. „прождав напрасно еще что-нибудь случающимся“).

Интересно, что конструкции, подобные вышеприведенным, не чужды и индоевропейским языкам. По построению весьма сходны с ними *participium praedicativum* в латинском языке, а в русском — образования типа: „Я очень удивился, услышав ее (собачку) говорящую“ (Гоголь); „Ласточку свою он видит на снегу замерзшую“ (Крылов); „Я нашел его окруженного нашими офицерами“ (Пушкин).

Значительный интерес представляют следующие конструкции из эстонского и мордовского языков, говорящие о том, что в подобных конструкциях вместо *v*-овых имен действия могли выступать *m*-овые имена:

ma arvasin neid vaesed olema „я думал, что они бедны“; *ma nägin tema hobuse mööda minema* „я видел, что его лошадь мимо прошла“ (F. Wiedemann. Grammatik der Ehnstnischen Sprache, 448—449).

Ср. мордовск.-мокша:

Мон сонь няине сама „я его увидел идущего“; *мон сонь няине кодама* „я его видел ткущего“; *сон няезь кудста лисема* „его видели выходящего из дома“; *Авозысь няезе рвянянц сермадома нинче стирьке* „свекровь видела невестку вышивающей“.¹

IV

Употребление причастий подобно именам прилагательным и заложенное в них значение признака или свойства способствовало их переходу в прилагательные, а позже в имена существительные и наречия путем субстантивизации и адвербизации окачественных причастий.

Как известно, имя прилагательное обозначает постоянный, вневременный признак того или иного предмета. В причастии же значение признака, свойства связано с такими специфически глагольными категориями, как время (или законченность и незаконченность действия), переходность и непереходность, многократность и однократность действия. Поэтому переход причастий в имена прилагательные связан с утерей причастием своих глагольных свойств. Этот процесс перехода можно проследить в финском языке, начиная с древнейших литературных памятников времен М. Агрикола.

Активные причастия незаконченного действия в финском языке могут особенно легко переходить в имена прилагательные, так как в предложении они обозначают обычно действие, одновременное действию управляющего глагола, т. е. в сущности вневременны по своему значению. Другим неперемнным условием перехода причастия в имя прилагательное является непереходность причастия или устранение переходного значения в контексте предложения. Таким образом, к финским активным причастиям незаконченного действия могут быть в полной мере отнесены слова, сказанные о причастиях настоящего времени

¹ О. И. Чудоева. М-овые имена действия в мокша-мордовском языке. Москва, 1951, стр. 140.

в русском языке: „Употребление действительных причастий настоящего времени в широком значении одновременности ослабляет в них значение определенного времени и способствует развитию в них значения вневременного действия. А это, в свою очередь, обуславливает возможность перехода этих причастий в прилагательные, особенно, когда глагол, от которого образовано причастие, является непереходным или способен освобождаться от переходности в условиях контекста“.¹

Обратимся к конкретным случаям перехода активных причастий незаконченного действия в прилагательные в финском языке.

Некоторые примеры перехода были уже приведены выше. Это, во-первых, небольшая группа слов, образованных от отыменных непереходных глаголов и обозначающих недостаточность, неполноту какого-нибудь цвета, например: *harmahtava* „сероватый“, *rupehtava* „красноватый“, *sinertävä* „синеватый“, *vihertävä* „зеленоватый“, и, во-вторых, слова, связанные по происхождению с сильноступенными формами причастий, как например: *lyöpä kello* „часы с боем“. К последней группе можно отнести также сложные прилагательные, возникшие на базе уже существовавших окачествленных причастий, например: *sydämelle käyrä* „затрагивающий сердце“, *harhaan vievä* „вводящий в заблуждение“, *pahansuora* „злонамеренный“, *pahoinvoira* „немогущий, больной“, *jälkeenjäävä* „отстающий“, *edelläkäyvä* „предыдущий“.

Во многих активных причастиях незаконченного действия связь с глаголом настолько утеряна, что в современном языке они воспринимаются почти исключительно как прилагательные, например: *elävä* „живой“, *huumaava* „ошеломляющий“, *hassahtava* „придурковатый“, *joutava* „ненужный, лишний“, *kiiltävä* „блестящий“, *kuultava* „прозрачный“, *kellahtava* „желтоватый“, *pätevä* „компетентный, основательный“, *sekava* „запутанный, неясный“, *sointuva* „мелодичный, благозвучный“, *taitava* „умелый, искусный“.

Переходу причастий в прилагательные способствует в большой мере частое употребление фразеологических оборотов с причастиями, например: *iskevä sana* „острое слово“, *johtava työntekijä* „руководящий работник“, *juoksevat asiat* „текущие дела“, *juokseva tili* „текущий счет“, *huumaava tuoksu* „одуряющий запах“, *kaatuva tauti* „падучая болезнь“, *kertova tyyli* „эпический стиль“, *kestävä hevonen* „выносливая лошадь“, *kiertävä punainen lippi* „переходящее красное знамя“, *kuluva vuosi* „текущий год“, *kuvaava piirre* „характерная черта“, *käskevä ääni* „повелительный голос“, *liikkuva kalusto* „подвижной состав“, *murhaava arvostelu* „убийственная критика“, *nousevalla viikolla* „на будущей неделе“, *nouseva polvi* „подрастающее поколение“, *päkyvällä paikalla* „на видном месте“, *parjaava lausunto* „клеветническое высказывание“, *palava rakkaus* „пламенная любовь“, *pureva iha* „язвительная ирония“, *pureva pakkanen* „жгучий мороз“, *pätevä syu* „основательная причина“, *sattuva sana* „подходящее слово“, *seuraavana päivänä* „на следующий день“, *sopiva tilaisuus* „подходящий случай“, *sointuva ääni* „мелодичный голос“, *tarttuva tauti* „заразная болезнь“, *tuleva vuosi* „будущий год“, *tutkiva katse* „испытующий взгляд“, *tyhjentävä vastaus* „исчерпывающий ответ“, *valmistava komitea* „подготовительный комитет“, *vastaava toimittaja* „ответственный редактор“, *vertaileva metodi* „сравнительный метод“.

¹ Грамматика русского языка, том 1. Фонетика и морфология. Стр. 508.

В некоторых случаях активное причастие незаконченного действия входит в состав сложного слова и образует сложное прилагательное, например: aikaа ilmaiseva „временной, темпоральный“, esiinpistävä „выступающий, торчащий“, kaikkikäsittävä „всеобъемлющий“, kaikkipäkevä „всевидящий“, mieltä koskeva „трогательный“, käänteentekevä „значительный, поворотный“, läpihoitava, läpikuultava „прозрачный“, läpituokeva „пронзительный“, liikkeelle paneva (voima) „движущая сила“, maataomistava „владеющий землей, землевладельческий“, maataviljelevä „земледельческий“, mukaansatempaava „увлекательный“, mustanpuhuva „черноватый“, paha-aennustava „зловещий“, paikkansapitävä „достоверный“, ruheenaoleva „тот, о ком (о чем) идет речь“, samantekevä „безразличный“, sanansapitävä „верный данному слову“, silmiin pistävä „бросающийся в глаза, заметный“, lakia säättävä (valta) „законодательная власть“, toimeenpaneva (komitea) „исполнительный комитет“, toimeentuleva „обеспеченный“, tulenkestävä „огнеупорный“, työtätekevät (joukot) „трудящиеся массы“, virkaatekevä „исполняющий обязанности“, ohimenevä „временный, преходящий“.

Сравнительно редки случаи перехода в прилагательные причастий, образованных от глаголов с суффиксом *-le*, обозначающим многократность действия, например: ilkkuileva „язвительный“, kerskaileva ruhe „хвастливая речь“, kiemaileva ihminen „лживый человек“.

Большую группу составляют прилагательные, образованные путем присоединения к суффиксу причастий *-va* (*-vää*) суффикса прилагательных *-inen*, например: huomaavainen „наблюдательный, внимательный“, kimmoavainen „упругий“, kuolevainen „смертный“, luottavainen „доверчивый“, luulevainen „мнительный“, matelevainen „пресмыкающийся“, matkustavainen „путешествующий“, muuttelevainen „переменчивый, непостоянный“, nuhtelevainen „укоризненный“, raatelevainen „хищный“, sääliväinen „сострадательный“, säästäväinen „бережливый“, uskovainen „верующий“, vaativainen „требовательный“, varovainen „осторожный“, ummärtäväinen „понятливый, разумный“. Появлению этих форм современный литературный язык во многом обязан старой финской литературе, где они употреблялись особенно часто. Большинство слов на *-vainen*, *-väinen* у М. Агрикола и других авторов его времени являются именами прилагательными, которые в свою очередь образованы от перешедших в прилагательные причастий, например: caikinaiset eleueiset ja matelevaiset eleimet „всякие живые (существа) и пресмыкающиеся животные“, iäkennoutauaisella tavalla „следующим образом“, teiden coleuaisen Rumijn „ваше смертное тело“, Hwatauaisen äni Corues „глас вопиющего в пустыне“. Ср. в „Калевале“: Ilman linnut lentäväiset „птицы в воздухе летающие („летучие“), eestä päivän paistavaisen, tieltä kuun kumottavaisen „от солнца жгущего, от месяца сверкающего“. Но нередко также случаи употребления имен на *-vainen*, *-väinen* в значении причастий, например, у М. Агрикола: cooleuainen в значении „умирающий“, palauainen Kynteles „твоя горящая свеча“, у Херра Мартти: 6 asuaista miestä „6 живущих мужчин“.

От причастий, перешедших в имена прилагательные, часто образуются имена существительные (suopä „рак“, edeskäuryä „прислужник“, työtätekevät „трудящиеся“) и, при помощи соответствующих суффиксов, наречия (jatkuvasti „постоянно“, sopjivasti „во-время, кстати“, hän lähti varovasti astelemaan „он пошел, осторожно ступая“, nuhtelevan hellästi „укораяще нежно“).

В качестве итога рассмотренному отметим следующее:

1. Современные финские активные причастия незаконченного действия на *-va* (*-vā*) восходят к получившим некогда широкое распространение в финно-угорских языках именам действия, которые могли иметь разное значение в зависимости от занимаемой ими позиции в контексте. Выступая как определение перед именем существительным, они могли приобретать характер активных причастий незаконченного действия.

В прошлом финского языка согласный *p* в суффиксе активных причастий незаконченного действия был подвержен чередованию и выступал на слабой ступени как *B*. В современном финском языке сильная ступень чередования в причастиях незаконченного действия окончательно вытеснена влиянием слабоступенных форм. Повидимому, это выравнивание по образцу слабоступенных форм началось уже в прибалтийско-финском языке-основе, и в современном финском языке суффикс причастий *-va* (*-vā*) воспринимается как нечередующийся. Немногочисленные причастные (в прошлом) формы, сохраняющие фонетически закономерную в них сильную ступень, являются в современном языке именами существительными или прилагательными.

2. Не менее древними по своему происхождению, чем имена на *-ra*: *Ba* (*-pā*: *Bā*), являются *i*-овые имена действия. Как и первые, они могли выступать в позиции определения, играя роль активных причастий незаконченного действия, а взятые отдельно выражали активного действующего. В дальнейшем развитие обеих форм причастий прошло в разных языках по-разному: в одних языках (как в финском) в функции причастий незаконченного действия продолжают выступать только имена на *-va*, *-vā*, в других — наряду с ними *i*-овые имена (причем причастия на *-va* сохраняют свою функцию в одних в большей, в других в меньшей степени). Заметим, что *i*-овые имена действия развились в причастия незаконченного действия также в мордовском и лопарском языках.

3. В современном финском языке активные причастия незаконченного действия являются отглагольно-прилагательными формами, совмещающими в себе основные признаки глагола и имени прилагательного. Но несмотря на близость причастий к прилагательным, они семантически ближе связаны с глаголом и входят в систему глагольных образований. С именами прилагательными их связывает лишь значение признака или свойства и согласование в числе и падеже с определяемым словом.

В сложных формах типа *olet lukeva*, *olin näkevinäni*, *sanoi tulevansa* предикативные формы причастий на *-va*, *-vā* семантически очень далеки от соответствующих причастных форм.

Активный характер действия причастий на *-va*, *-vā*, употребление их в значении одновременности способствует переходу активных причастий незаконченного действия в имена прилагательные при условии непереходности действия или устранения переходности в контексте. На основе причастий, перешедших в прилагательные, могут образоваться имена существительные и наречия.